

отдельных мест, что „сербский текст составлен на основе греческого при посредстве того болгарского текста, который дошел до нас в Палаузовском списке“, Попруженко указывает и на сходство отдельных мест сербского текста с Дриновской редакцией и заключает, что „первоначальный сербский текст в известный момент был подвергнут пересмотру и редактированию. При этой работе был принят во внимание тот вновь переработанный болгарский текст, который дошел до нас в списке Дриновском и который мы, как сказано выше, имеем вполне достаточные основания считать результатом редакторской работы патриарха Евфимия“¹²⁴.

Не останавливаясь на отдельных замечаниях авторитетных критиков (Радченко, Лаврова, Златарского, Кульбакина, Флоринского, Ляпунова), сделанных по поводу первого издания труда Попруженко и принятых им во внимание при втором издании в 1928 г., следует особо отметить большую работу П. А. Лаврова, поставившего Попруженко в вину то, что он не издал памятника на основе всех известных славянских текстов и поэтому недостаточно осветил взаимоотношения русского, болгарского и сербского текстов. Со своей стороны, указывая на большое число оборотов, которые в болгарском языке неудачно передают греческий оригинал в сравнении с более правильным русским переводом, Лавров пришел к выводу: „Что касается болгарского и русского текстов Синодика, то всего скорее мы имеем дело с двумя различными переводами“¹²⁵. Во втором издании болгарского Синодика в его обеих редакциях с параллельным греческим текстом Попруженко указал, что приведенные Лавровым примеры относятся к числу тех, которые были исправлены Евфимиевой редакцией, неизвестной Лаврову.

Вопрос о возникновении сербской редакции Синодика и ее последующих изменениях был в широких рамках поставлен лишь в последнее время А. В. Соловьевым¹²⁶. Он считает, что „первоначальный греческий Синодик 843 г. должен был уже в X в. быть переведенным на церковнославянский язык для потребностей болгарских и русских церквей, которым был необходим этот торжественный чин православия для начала Великого поста. Отдельные национальные церкви могли прибавлять к этому Синодику новые прославления своих государей и иерархов и анафематствования в соответствии с местными условиями“. Так, он предполагает, что 17 анафем против богомилов, цитированные во второй части беседы Косьмы Пресвитера, вероятно, переписаны из Синодика болгарской Преславской патриархии X в., так как Косьма вряд ли бы решился сам придумать такие анафемы. Свидетельства русской летописи и грамоты Всеволода Новгородского 1135 г. о русских добавлениях к Синодику указывают на строго официальный характер пополнения Синодика новыми данными. Древнейшая русская редакция Синодика не сохранилась. Не сохранился и текст древнего болгарского Синодика времени первого царства, так как греческая иерархия после 1019 г., вероятно, уничтожила в Болгарии и в Охридской области рукописи Синодика, в которых провозглашались вечная память и многая

¹²⁴ Там же, стр. СХVIII—СХХVI.

¹²⁵ П. А. Лавров. К вопросу о Синодике царя Борила. Одесса, 1899, стр. 41.

¹²⁶ А. Соловьев. Сведочанства православних извора о богомилству на Балкану. Годишњак Историског друштва Босне и Херцеговине, V. Сарајево, 1953, стр. 44—68. Сербские тексты Синодика привлекли к себе внимание сербских и хорватских ученых уже давно, но изучались только со стороны содержания, относящегося к вопросу о богомилстве в Сербии и Боснии. Историю изучения этого вопроса см. в указанной работе А. В. Соловьева.